

Ежегодная конференция Всемирного банка
по вопросам экономики развития (ABCDE)

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ¹

Санкт – Петербург, СПбГУ, юридический факультет

18 – 19 января 2006 года в Санкт-Петербурге состоялась Конференция Всемирного банка по вопросам экономики развития. В рамках данного мероприятия был проведен семинар – совещание по вопросам образования и глобального развития. Целью этого мероприятия являлся расширенный обмен мнениями и идеями о вызовах глобализации и растущей роли экономики, основанной на знаниях. Обсуждались вопросы доступности и качества начального образования в контексте мирового развития, взаимосвязь образования с рынком труда и значимость высшего образования для глобального сообщества. Выводы и результаты обсуждения могут быть полезны в рамках повестки дня председательства России в Группе восьми в 2006 году.

Ведущие: **Георгиева Кристилина, Марков Андрей, Фрумин Исаак** (Всемирный банк).

Участники:

Бугиньон Франсуа (Всемирный банк)

Гуреев Сергей (Российская экономическая школа)

Жага Павел (университет Любляны (Словения))

Зуев Сергей (Организационный комитет по подготовке и обеспечению председательства РФ в «Группе восьми» в 2006 г.)

Катсу Шигео (Всемирный банк)

Кропачев Николай (СПбГУ)

Кузьминов Ярослав (ГУ – ВШЭ)

Куусела Тимо (Европейский фонд образования)

Ливанов Дмитрий (Министерство образования и науки РФ)

МакФерсон Малколм (Агентство международного развития)

Мау Владимир (Академия народного хозяйства, РФ)

Салми Джамил (Всемирный банк)

Ханушек Эрик (Гуверновский институт, Стэнфордский университет, США)

¹ Публикуется в сокращении.

Ведущий: Я предоставляю слово господину Катцу для вступительного слова.

Катсу Ш.: Открыть эту конференцию по вопросам образования и глобального развития – большая честь для меня. Несомненно, эта тема будет очень важна в 2006 году в контексте того, что Россия станет в этот период главой G8. Я хочу поблагодарить министерство образования и науки и, в особенности, заместителя министра Ливанова за предложение данной темы – «Образование как важный фактор развития в 21 веке». Также я хочу поблагодарить юридический факультет Санкт-Петербургского Университета, принявший у себя сегодня нашу конференцию.

Пара слов о третичном образовании. Мы начали осознавать, – и я надеюсь, что следующие докладчики всерьез разовьют эту тему, – что содержание третичного образования развивается очень стремительно. На это влияют демографические изменения, технологии, в особенности, техническая революция, и вызовы, предъявляемые распространяющимся по всей планете обществом знания. Очевидно, кроме того, что и процесс глобализации влияет на третичное образование, как и на все остальные измерения социального и экономического развития.

Как только мы обращаемся к некоторым глобальным тенденциям, мы видим три ключевых области. Одна из них – проблема распространения массового третичного образования. Вот несколько свидетельств: в течение последних 25 лет 20 века число студентов в университетах Западной Европы более чем удвоилось. И это только за 25 лет! В России и Польше число студентов утроилось за десять лет между 1992 и 2002 годами. В целом по ОБСЕ мы впервые в истории наблюдаем, как доля поступающих в университеты приближается к половине в соответствующей возрастной группы. Даже в странах со средним доходом теперь эта доля составляет четверть. В случае России, если я не ошибаюсь, это 54 или 55 процентов.

Вторая важная тенденция, очевидно, это комплекс проблем, связанных с увеличивающимся количеством или разнообразием предоставляющих это образование. Например, одна из важнейших тенденций – функционирование частных организаций в этой области. В целом в регионе, с которым мы работаем, в Европе и Средней Азии, доля частного сектора в высшем образовании поднялась практически с нуля до 45 процентов за последние 16 лет. И насколько я понимаю, здесь, в России, почти половина студентов вузов обучаются на платной основе.

Третья глобальная тенденция – эта большая гибкость в обучении, предоставлении образования. С одной стороны, более высокая мобильность, физическая мобильность студентов сделала необходимой систему взаимозачета курсов, а эта система, в свою очередь, продолжает повышать общую мобильность. В то же время, использование технологий дистанционного обучения также является новым свойством в системе предоставления образования. Например, в большой стране с немногочисленным населением, такой, как

Казахстан, почти в половине случаев при получении высшего образования используется дистанционное обучение.

Перечисленное является, в известном смысле, основными тенденциями. Но в то же время мы начинаем осознавать, что простые количественные изменения в отношении числа студентов или новых методов в послешкольном образовании не обязательно служат гарантией того, что выигрывает экономика страны. Но есть ощущение того, что качество продолжает оставаться существенным в течение всего образовательного цикла. Я надеюсь, что тема качества будет затронута сегодня докладчиками, поскольку в целом вопрос «образование для чего» и «как» должен быть в центре дискуссии.

Глобальная конкуренция за квалифицированные кадры определенно вступает в игру и мотивирует правительства стран увеличить международное признание свидетельств об образовании. Мы можем наблюдать много попыток бенчмаркинга. Болонская декларация 1999 года, принятая Европейским Союзом, также является попыткой гармонизировать учебные программы и стандарты качества в Европе.

К сожалению, однако, можно заметить, что существующая внутренняя культура таких систем послешкольного образования или высших учебных заведений часто сопротивляется реформированию системы. Большая часть учреждений послешкольного образования и многие национальные системы стараются сохранить свою автономию и право на самоконтроль. В качестве главной точки отсчета они оставляют так называемые академические стандарты, а также продолжают контролировать программу обучения и политику набора и выпуска студентов. Из-за этого курсы во многих университетах отражают не запросы рынка труда, а академические традиции.

Если учесть, что важность третичного образования сама по себе является предметом дискуссии в развитых странах, то становится понятным, что создать подходящую модель третичного образования для развивающихся стран – еще более сложная проблема. С нашей стороны, Всемирный Банк, как организация, старается обращать все больше внимания на третичное образование, когда мы говорим о нашей деятельности в образовательном секторе. И в течение последних 7-8 лет в нашем регионе Всемирный Банк осуществил несколько проектов, поддерживающих реформы и развитие третичного образования. Проект по модернизации российского образования был первым таким проектом в этой области. Кроме того, мы занимаемся сейчас обширной аналитической работой по этой теме. Один из проектов концентрируется на третичном образовании и его перспективах в Африке. Другой связан со всем комплексом проблем контроля качества в третичном образовании.

Сообщество третичного образования, безусловно, обязано начать говорить на языке экономики и рынка труда, с тем, чтобы мы могли увеличить релевантность этой системы в глобальных масштабах. В этом контексте мы поддерживаем идею российского Министерства образования и науки – вынести проблему выработки глобальных механизмов повышения релевантности третичного

образования в центр дискуссий G8. И мы, безусловно, будем гарантировать нашу поддержку этих усилий. Так что я надеюсь, что мы сможем сконцентрироваться на вопросах релевантности третичного образования, на том, что это значит, и на том, как использовать рыночные инструменты для того, чтобы переделать всю систему в соответствии с запросами общества знания как сегодняшнего, так и завтрашнего дня. Спасибо.

Ведущий: Спасибо. Теперь уместно обратиться к заместителю министра науки и образования, господину Ливанову, который предоставит нам немало пищи для размышлений в свете президентства России в G8. Вероятно, наша конференция – одно из первых событий, выводящих на общественную арену российские инициативы в рамках G8.

Ливанов Д.: Уважаемые коллеги, дамы и господа! Я хочу, прежде всего, от имени Министерства образования и науки поприветствовать всех участников и организаторов этой конференции.

Если говорить о теме семинара, то, безусловно, она является для нас, да и не только для нас, крайне важной. Безусловно, система образования – это сегодня один из основных факторов повышения интеллектуального капитала, человеческого капитала стран, наций. И от качества этой системы во многом зависит глобальная конкурентоспособность экономик и обществ в 21 веке. И, безусловно, со временем эта зависимость будет только усиливаться.

Я думаю, все знают, что Россия сегодня находится в процессе трансформации своей системы образования. И для нас является очень важным, с одной стороны, использовать наши конкурентные преимущества, которые, безусловно, существуют. С другой стороны, ориентироваться на лучшие мировые образцы, лучшие мировые примеры развития системы образования с тем, чтобы сделать российское образование более конкурентоспособным, более гибким, более адаптируемым к тем вызовам, которые сегодня возникают перед Россией.

Если говорить о той работе, которая ведется сегодня в связи с подготовкой встречи Группы восьми в сфере образования, то я хотел бы отметить, что сегодня Россия предлагает обсудить три основных инициативы в этой сфере. Первое – повышение качества профессионального образования, как фактора глобального развития. Это означает, прежде всего, обеспечение сопоставимости качества национальных систем образования, формирование фиктивных инструментов влияния рынка труда на систему образования, интеграцию отдельных элементов национальных систем образования разных стран в единое мировое образовательное пространство и, наконец, активизацию связей между людьми, то есть повышение мобильности школьников, студентов, аспирантов, преподавателей, исследователей, то есть всех людей, которые так или иначе связаны с системой образования.

Мы считаем, что реализация этой инициативы внесет существенный вклад в повышение качества национальных систем образования

в разных странах, как в развитых, так и в развивающихся; даст возможность молодым людям более эффективно работать в современной экономике и, в конечном счете, приведет к повышению инвестиционной привлекательности этих стран.

В целом, безусловно, Россия сегодня отстает от тех мировых тенденций, которые существуют в интеграции образовательных систем, но мы считаем, что высокий уровень профессионального образования в России, во всяком случае, в ряде его сегментов, создает благоприятные условия для того, чтобы Россия активно подключилась к идущим сегодня мировым интеграционным процессам.

Вторая инициатива связана с обеспечением высокого качества базового, то есть начального образования, главным образом, в области математики, естественных наук и информационных технологий. И здесь я бы хотел отметить, что, безусловно, перед миром в целом стоит задача расширения и повышения уровня охвата школьников базовым образованием, этот охват на сегодня не превышает 50 процентов, и страны G8 ставят перед собой задачу увеличения этого охвата, расширения числа тех людей, которые имеют хотя бы базовое образование.

Безусловно, мы считаем, что поскольку Россия имеет признанный во всем мире опыт обеспечения именно массового базового образования и качество его все еще остается довольно высоким, то именно Россия может внести существенный вклад в обсуждение этой проблемы.

И третья инициатива, которая будет обсуждаться, это развитие образовательных программ для адаптации мигрантов. Все развитые страны в той или иной степени сталкиваются с проблемой социально-культурной и профессиональной адаптации тех людей, трудовых ресурсов, которые приезжают в эти страны из развивающихся стран, как правило. И поэтому вот эта тема, связанная с демографической безопасностью, с максимально эффективной адаптацией этих людей в те социально-культурные системы, которые существуют, является весьма актуальной и важной для всех развитых стран.

И здесь речь идет, прежде всего, об активном экспорте стандартов начального образования в те страны, которые являются или будут в перспективе основными донорами миграции: о разработке единой системы оценки признания уровней базового образования и среднего профессионального образования и о создании нового поколения учебных программ, нацеленных на эффективное включение тех людей, которые будут приезжать, как в Россию, так и в развитые страны, в состав уже сложившихся в этих странах сообществ с целью снятия негативных эффектов, связанных с массовым характером этой миграции.

Такова основная проблематика, которая сегодня обсуждается в сфере образования в процессе подготовки к встречам стран G8. Спасибо за внимание.

Ведущий: Спасибо, Дмитрий Викторович! И особенно за то, что вы напомнили нам о том, что взаимоотношения между образованием,

демографией, вопросами глобализации, экономическим ростом, сокращением расстояния между развитыми и развивающимися странами будут очень важными для обсуждения во время G8. Я хочу теперь предоставить слово нашему хозяину, юридическому факультету Санкт-Петербургского университета.

Кропачев Н.: Действительно, на нашем факультете не только готовят юристов, но и занимаются наукой. В год у нас проходят где-то 20-25 конференций различного уровня. Но я сейчас пытаюсь вспомнить и не могу назвать конференцию за последние, наверное, лет пять по вопросам образования, повышения качества образования, которая собрала бы столь высококвалифицированных специалистов. Действительно, для юридического факультета, для нас, проблема повышения качества образования является одной из самых приоритетных задач, точно так же, как, наверное, для многих других университетов.

Мы стоим перед ситуацией, когда, решая проблемы повышения качества образования, мы должны, во-первых, конечно же, сохранить наши традиции, традиции нашего Петербургского Университета в области образования. Они апробированы временем, и тот уровень подготовки, те методики, которые существовали и существуют сегодня, во многом обеспечивают и тот уровень подготовки специалистов, который сегодня существует.

С другой стороны, конечно же, мы не можем игнорировать те интеграционные процессы, те общемировые тенденции, с которыми мы сегодня сталкиваемся. И в области образования, в том числе. Использовать опыт наших зарубежных коллег, их методики – это одна из задач, которая стоит, в том числе, и перед нашим факультетом и перед нашим университетом в целом.

Наконец, третий момент, который связан также с повышением качества образования – это необходимость создания своих собственных новаторских наработок, своих оригинальных методик. Такие методики есть сегодня на факультете, они используются и в образовательном процессе непосредственно, и при осуществлении контроля за качеством знаний наших студентов.

Вот эти три момента – сохранение традиций, использование современного международного опыта в области образовательных концепций и применение также собственных методик – являются одним из путей для повышения квалификации и образования и в России, в том числе и в нашем, наверное, университете. Есть еще одна проблема, с которой мы сталкиваемся и ощущаем ее вместе с нашими коллегами из других российских университетов все более отчетливо. Я вспоминаю свои студенческие годы, и когда я, мои однокурсники по окончании юридического факультета приходили к своему работодателю, становились следователями, прокурорами, адвокатами, нотариусами, первое, что мы слышали от своих работодателей: «Забудь то, чему тебя учили в университете, мы тебя научим заново».

Надо сказать, что, к счастью, сегодня эти слова наши студенты, наши выпускники практически уже не слышат, может быть, и потому,

что сегодня преподаватели, профессора факультета почти все практикуют и потребности рынка знают прекрасно, соответственным образом модифицируя образовательный процесс. Но, тем не менее, мы все чаще и чаще задумываемся о том, кто нужен работодателю, для кого мы готовим наших выпускников, какими они должны быть, прежде всего, в глазах тех, для кого мы их готовим? К сожалению, эта связь между образовательными учреждениями и теми, для кого мы готовим студентов – работодателями, на сегодняшний день еще не «работает» в полную силу.

И последний момент, на котором бы я хотел остановиться. Мы всегда рассматривали студента в образовательном процессе как некий объект, который подвергается обучению, объект, в который мы вкладываем знания. Но мне и моим коллегам кажется, что сегодня должен концептуально меняться подход. Студента необходимо рассматривать уже не в качестве объекта в этом образовательном процессе, а в виде некоего партнера. Речь должна идти об образовательном партнерстве, в котором есть, с одной стороны, образовательное учреждение, с другой стороны, – студенты, которых мы готовим. И, может быть, в это образовательное партнерство необходимо включать и работодателя, который бы более четко ставил те задачи, ради которых мы и работаем.

Спасибо за внимание.

Ведущий: Спасибо. Слово предоставляется господину Салми.

Салми Д.: Я разделил свою презентацию на три части. Первая подчеркивает важность знаний для развития, вторая говорит об изменяющихся потребностях в образовании, третья – о вырисовывающемся ландшафте третичного образования, а также о некоторых появляющихся вызовах.

Во-первых, мы все больше осознаем, что экономическое развитие напрямую связано со способностью нации получать, создавать и употреблять знания. Но знания важны не только для экономического развития, а также для решения важных социальных проблем. Исследования в области стволовых клеток, применения генетически измененных растений – примеры явлений, для адекватной реакции на которые соответствующий научный потенциал необходим каждой стране. Тут третичное образование и исследовательские учреждения требуются даже в беднейших странах. Кроме того, я хотел бы напомнить об ускоряющемся темпе производства знаний. Те из слушателей, кто являются физиками, химиками знают об этом лучше меня. Используя для оценки количество серверов в Интернете, мы можем наблюдать экспоненциальный рост знаний. Мы должны задать себе вопрос о том, как это влияет на то, что и как преподается в университетах, поскольку во многих случаях материал, преподающийся студентам-инженерам на первом курсе, может устареть ко времени окончания ими университета.

Затем я хочу упомянуть гибкость в приспособлении к переменам. Это становится все более актуально из-за быстро меняющейся экономической структуры, и нам следует задаться вопросом, подготов-

ливают ли наши учебные заведения к такой необходимости? В прошлом году в США были опубликованы данные одного интересного исследования двух профессоров Гарварда. Помните, когда начали использовать компьютеры, было беспокойство, не вытеснят ли они людей. Так вот, они посмотрели на задачи, которые часто выполняются в фирмах, и разделили их на пять категорий: рутинная ручная работа, рутинная умственная работа, нерутинная ручная работа, сложные коммуникации и экспертное мышление. Что касается первых трех, то там, действительно, компьютеры способны заменить в этом человека, и доля участия в них людей снижается. Однако остаются два последних типа, и в них люди по-прежнему лидируют. Лучший пример экспертного мышления – диагноз, который врач должен поставить каждому новому пациенту. Современные машины и компьютеры могут в этом помочь. Например, есть устройства, которые позволяют врачу взаимодействовать с пациентом, находящимся от него в тысяче километров. Но ставить диагноз и прописывать лечение врач должен самостоятельно.

Теперь о потребности в непрерывном образовании. Если и впрямь наши знания устаревают, мы должны непрерывно их обновлять. Тем самым возникает потребность в обучении в течение всей жизни. Например, одному из тех, кому недавно была присуждена степень доктора философии в Университете Флориды было 83 года. И нам необходимо создать систему образования, которая бы не ограничивалась официальными образовательными учреждениями, но охватывала бы все измерения нашей жизни: формальное, неформальное, художественное творчество и т.д.

И в самом деле, если мы принимаем эту новую парадигму, мы должны не учить фактам, на что была нацелена традиционная образовательная система, а учиться тому, как учиться и как забывать то ненужное, что было выучено раньше.

Что происходит в мире третичного образования? Мы уже обсуждали изменяющиеся потребности в образовании и в обучении, к которым должны приспособливаться учебные заведения, но существенные изменения происходят и в сфере конкуренции. Благодаря Интернету и спутниковой связи может возникнуть конкуренция между виртуальными университетами. В данный момент в США число студентов растет быстрее всего в колледже Университета Мэрилэнда, где по Интернету обучаются 150 тыс. студентов. Добро пожаловать в аудиторию откуда угодно, где только есть выход в Интернет! Можно задуматься: с чего студенту или студентке поступать в местный университет, если он или она могут поступить в один из лучших университетов мира?

Появились и франшизные университеты с отделениями по всему миру. У британских, американских, канадских, австралийских университетов есть филиалы во многих странах мира. Бывают и корпоративные университеты, присуждающие степени, как и обычные. Университет Моторолы, например, один из лучших по бенчмаркингу, располагает годовым бюджетом в 120 миллионов долларов,

что гораздо больше, чем у многих университетов в странах в тех, которыми занимаемся мы.

Что же меняется внутри самих учебных заведений? Они теперь сталкиваются с куда большим разнообразием клиентов – не только с обычными выпускниками школ, но и более взрослыми студентами, дневными студентами, вечерними студентами, студентами по выходным, студентами на кампусе, студентами-заочниками.

Нам требуется перейти к более открытым системам, при которых студенты могут обучаться сразу в нескольких местах, а нам надо научиться признавать квалификацию, приобретенную самостоятельно или в ходе работы. Очень интересная система действует в Корее. Она называется банком зачетных курсов – это организация, которая признает разные виды обучения, которые можно проходить на работе или в признанных учебных заведениях, суммирует их и в итоге присуждает за них формальную степень. И министр просвещения выдает эти степени обычным образом.

Нам следует двигаться в сторону мультидисциплинарности. В производстве все чаще встречается ситуация, когда решение проблемы может быть достигнуто не за счет традиционного университетского подхода, при котором передвигаются шаг за шагом в пределах одной дисциплины. Вместо этого бывает нужно задать себе вопрос: «Какие дисциплины наиболее полезны для решения данной проблемы?» А обучение во многих университетах мало рассчитано на такой подход.

И, конечно же, мы должны употреблять новые педагогические методики и возможности, предоставляемые техническим прогрессом. Концентрироваться нужно на самостоятельном обучении, на новых средах и стилях преподавания, на обучении, приспособленном к нуждам конкретного человека и на соответствующем использовании современных технологий. Преподаватель должен быть не тем, кому известны все факты, а проводником.

Качество обучающих материалов также может улучшиться: вместо учебника, который каждые три-четыре года надо переиздавать или переделывать, можно использовать электронные учебные пособия, обновляющиеся непрерывно. Кроме того, технический прогресс позволяет улучшить и учебные лаборатории, заменив их виртуальными. Так, например, в рамках открытой инициативы Карнеги-Меллон была разработана виртуальная химическая лаборатория, то есть программа, которая позволяет моделировать любые химические опыты без риска взрывов или поломок и т.д. Вы можете находиться в лаборатории где-нибудь в Мексике, подсоединиться через интернет к лаборатории в Канаде и посылать требования к эксперименту по сети. Все это происходит на расстоянии, и вы можете получать результаты, заходить в цифровые библиотеки, смотреть журналы и т.д.

Наконец, гибкость. Умеют ли наши университеты двигаться и быстро приспосабливаться в этом стремительно меняющемся мире? Это проблема имеет место не только в бедных, но и в богатых странах.

Чтобы проявлять гибкость, необходимо быть проактивными, заниматься стратегическим планированием, находить направления для изменений, взаимодействовать с экономическим окружением, а также быть способным быстро реагировать и приспосабливаться. У меня есть некоторые примеры связей между университетами и промышленностью, которые соединяют производящий сектор и вашу способность к стратегическому планированию, примеры сотрудничества с региональными властями, приглашения временных преподавателей из промышленности, примеры научных парков, сетей выпускников и т.д.

Я не хотел бы оставить у вас слишком негативного, катастрофического видения мира, так что поделюсь мудростью наших китайских коллег, использующих два иероглифа для обозначения слова «кризис». Первый из них значит опасность. И, в само деле, это очень опасное время. Но одновременно они утверждают, что это момент благоприятных возможностей. Мы должны воспользоваться этой возможностью. И хотя у меня нет универсального рецепта для всех вас, для всех стран, всех университетов, я сделаю одно замечание: всегда необходимо представлять, что вы хотите в будущем. Две тысячи лет назад римский философ Сенека очень мудро сказал: «Для того, кто не знает, куда плывет, не бывает попутного ветра». Спасибо.

Ведущий: Мы переходим к следующей части нашей встречи, где будут представлены доклады, связанные с темой повышения качества образования. Профессор Эрик Ханушек из Стэнфордского университета широко известен всем, кто занимается проблемами экономики и управления образованием. Он – автор большого числа книг на эту тему, которые широко цитируются сегодня. И мы очень рады, что профессор Ханушек принял наше приглашение выступить с докладом на этой встрече.

Ханушек Э.: Это очень важная тема, и я поздравляю Российскую Федерацию с тем, что возглавив G8, она поставила образование во главу повестки дня. Я начну с пары коротких замечаний о своих взглядах на образовательную политику.

Во-первых, я не думаю, что имеет смысл разделять мир на развитые и развивающиеся страны. Не больше смысла, на мой взгляд, имеет и разделение на начальное, среднее и третичное образование. Мне представляется, что в обоих измерениях все перемешивается, и многие весьма важные проблемы не зависят от степени развития страны. Все мы боремся за разработку лучшей образовательной политики. Может показаться, что для развивающихся стран более существенно улучшить преподавание. Но, как многие докладчики уже говорили, при существующей в мире конкуренции, никто не имеет право на самодовольство, даже Гонконг и Финляндия, где на сегодняшний день самые лучшие школы, поскольку все остальные тоже рвутся вперед.

Во-вторых, я подчеркиваю, что дискуссия предполагалась преимущественно по вопросам третичного образования. Но, насколько я знаю, о третичном образовании нам известно гораздо меньше,

чем о начальном и среднем. Так что, если речь идет о третичном образовании, я, видимо, могу представить вам некоторую информацию и сообщить лишь свои догадки.

Позвольте мне сначала изложить заключения. У меня несколько основных утверждений, Первое – то, что все результаты достаточно обширных исследований указывают на то, что человеческий капитал очень важен для обеспечения экономического благополучия. Во-вторых, насколько мы можем судить, высшее образование приобретает все большее значение. Так что нам приходится тратить больше времени на обсуждение, как организовать высшее образование. В-третьих, когда мы начинаем говорить о развитии, вопросы распределения выходят на первый план. Когда мы обеспечили всеобщее базовое среднее образование, мы должны начать беспокоиться о создании механизмов, при помощи которых мы направляем людей получать высшее образование. Я думаю, что это важная тема, которая должна находиться в центре нашей образовательной политики.

Наконец, я хотел бы повторить уже прозвучавшую здесь оговорку: сравнивать свидетельства об образовании и степени, присужденные в разных странах, очень трудно, и чтобы эффективно это делать, надо затратить много усилий. Другими словами, Болонские соглашения вызывают у меня известный скептицизм.

Теперь я перейду к деталям. Начнем с того, что экономическое развитие и экономическое благополучие зависят от улучшения производительности и ускорения роста. Если мы берем страну с уровнем ВВП на душу населения, примерно как в России, т.е. 10 000 долларов, то, что можно ожидать к 2050 году, если не произойдет повышения продуктивности? Можно ожидать примерно те же самые 10 000 долларов ВВП на душу населения. Но если уровень роста увеличится на один процент, вдруг оказывается, что к 2050 году ВВП достигает 16 000 на душу населения. А если удастся увеличить на 2 процента, то получится 24000 на душу населения. Это очень просто.

Экономисты потратили массу времени, стараясь понять, что может привести к таким улучшениям. Пути, которые должны привести к более высокому экономическому росту таковы: развитое имущественное право, конкурентные рынки труда и товаров, невмешательство правительства в экономику и т.п.

Но во всех современных работах по этой проблематике подчеркивается, что человеческий капитал важнее всего перечисленного. Но тогда возникает вопрос: что такое человеческий капитал и как его измерять? В большей части работ по экономическому росту просто рассматривалось соотношение между средним временем обучения, средним числом лет проведенным в учебных заведениях и экономическим ростом. Типичный вывод: время обучения является важным элементом.

Но возникают разные вопросы, особенно при переходе к высшему или даже к среднему образованию: какое именно это обучение, профессиональное или теоретическое? Верно ли, что естественно-научные и инженерные дисциплины важнее гуманитарных?

Но я в своих исследованиях занимаюсь не этими вопросами, а качеством обучения. И, насколько я могу судить, качество образования – один из важнейших факторов, способствующих увеличению человеческого капитала и росту в этой области.

Есть также данные, свидетельствующие о том, что тип образования влияет на то, насколько быстро экономика страны приспосабливается к технологическим переменам. Старомодный американский аргумент – изначально профессиональная подготовка может быть гораздо полезнее, но она теряет эффективность по мере изменения технологии, и может снизить способность приспосабливаться к новым ситуациям².

Ведущий: Мы благодарим профессора Ханушека и предоставляем слово Сергею Зуеву, который является заместителем руководителя российской экспертной группы по образовательным инициативам.

Зуев С.: У меня была сложная задача, поскольку мне нужно было одновременно презентовать некоторую общую карту российских инициатив в рамках председательства России на саммите G8, а с другой стороны, сама тема нашего обсуждения связана с вопросами профессионального образования, профессиональных квалификаций. То есть это задача, с одной стороны чисто организационная, а другой – содержательная.

Но поскольку Дмитрий Викторович Ливанов достаточно подробно описал российские инициативы, и об этом шла речь, я этому уделю минимум внимания.

Итак, группа российских экспертов, которая готовит повестку дня 2006 года, ключевыми проблемами считает те, которые уже были упомянуты, а именно качество профессионального образования и требование соответствия профессионального высшего образования современной инновационной экономике.

Здесь же мы можем говорить о сопоставимости результатов обучения квалификациям, имея в виду то, что современная инновационная экономика, экономика знаний имеет, безусловно, глобальные измерения, а в тот момент, когда мы начинаем говорить о профессиональных квалификациях, квалификациях образования, мы, прежде всего, говорим о национальных системах образования. И вот этот проблемный разрыв между глобальными тенденциями инновационной экономики, с одной стороны, и логикой деятельности национальных систем образования является одним из ключевых.

Вторая российская инициатива – это инициатива по образованию для всех. Я не буду на этом останавливаться, поскольку об этом достаточно подробно уже говорилось.

И, наконец, третье. Это связь миграционной политики и образования в той мере, в какой нам кажется, что проблемы современной

² Более подробно об исследовании Э. Ханушека см. в его статье «Школьное образование, качество рабочей силы и экономический рост», опубликованной в данном номере журнала в рубрике «Теоретические и прикладные исследования».

экономики, в частности инновационной экономики, связаны с мобильностью человеческого капитала, с размерностью качества человеческого капитала в различных регионах мира. Этот момент во многом определяет современные миграционные процессы.

Итак, повышение качества профессионального образования, которое мы ставим на первое место в списке наших приоритетов, имеет целый ряд особенностей. Будем говорить о том, что, во-первых, есть два контекста, без которых обсуждать эту тему нам кажется не очень разумным.

Первый контекст – это проблема качества. Есть ли, например, ее отличие от проблемы стандартов? Или это одно и то же.

Качество наша группа трактует как некоторую систему требований, которая приписывается виду деятельности, в данном случае образованию как бы извне. Качество невозможно обсуждать, не имея в виду тот контекст, который здесь необходим. В данном случае контекст глобальной экономики.

И вот это соответствие системы профессионального высшего образования и глобальной инновационной экономики, собственно говоря, и позволяет нам ставить на повестку дня вопрос о качестве. И это первый момент, который очень важен для нас. Можно говорить о том, что в данном случае идея качества является, если хотите, оператором синхронизации различных систем деятельности: системы образования, с одной стороны, и различных сегментов современной глобальной экономики, с другой.

Каков же инструментарий повышения качества профессионального образования? Первое – это создание международного консорциума и проведение сравнительного анализа результатов профессионального образования к 2010 году. Фактически речь идет о создании некоторого общего языка, в котором эти профессиональные квалификации, качественные квалификации могли бы описываться и сравниваться. Речь не идет об унификации технологий образования, которые присущи различным национальным системам, а о тех результатах, к которым приходят эти национальные системы образования и которые могут быть вписаны, конвергированы, интегрированы в систему международной экономической кооперации.

Удвоение академической мобильности – это как один из подмеханизмов, субмеханизмов, без которого, безусловно, такая конвергенция была бы невозможна. Важно также является создание открытой согласованной сети образовательных ресурсов, направленных на обеспечение качества профессионального образования.

Кроме того, важно учитывать, с нашей точки зрения, следующее. Если мы говорим о качестве, то качество – такая идея, которая достигается не проектным, а программным путем. Программирование подразумевает, что нужен целый ряд последовательных действий, зачастую исходящих из разных источников, которые поддерживаются в очень разнородном социальном и культурном поле, которое через некоторое время может привести, а может не привести к появлению означенного результата.

Существующие квалификационные, вообще говоря, страдают однобокостью, поскольку они либо ориентируются на технологические аспекты современной, либо – на описание учебных результатов, которые достигаются в университетах.

И в этом смысле мы говорим, что реальной инициативой, которая обсуждается в контексте G8, должна быть своего рода квалификационная структура, которая позволит обсуждать и то, и другое в режиме и в понятиях, близких и тем, и другим участникам этого диалога.

Есть примеры. Например, европейская квалификационная рамка – European qualification framework. Это не законченное действие, но оно находится в процессе реализации. Неизвестно, к каким результатам это приведет, но, во всяком случае, делается попытка каким-то образом решить ту проблему.

Я бы здесь добавил, что когда мы начинаем говорить о специальностях и квалификациях, и появляется у нас, собственно говоря, термин «компетенция». Для нас компетенция – это как раз возможность каким-то образом использовать специальности, получаемые, скажем, на вузовской скамье в режиме рабочих квалификаций. То есть возможность применить полученные знания, навыки и какие-то наработки в конкретных рабочих ситуациях, перевести это в квалификационные требования, быть готовым к использованию того знания, которое человек получает в реальных профессиональных рабочих ситуациях, вне зависимости от их специфики.

Итак, то, что уже заявлено в рамках инициатив G8 – это обеспечение обязательного бесплатного базового образования, повышение уровня грамотности среди взрослых, обеспечение гендерного равенства в образовании и гарантирование высокого качества образования.

Обращаю ваше внимание на то, что здесь также существует этот момент сочетания стандартов и качества образования, которое никаким образом технически пока не решается. Что же предлагает Россия в рамках этих уже сформированных требований? Это введение взаимно признаваемых параметров качества образования и способов его оценки, проведение сравнительных исследований оценки качества образовательных результатов как на основе, как уже имеющихся систем оценки, так и при помощи создания новых, а также же внедрение новых эффективных методов и технологий обучения.

И, наконец, третья инициатива, о которой я говорил в начале, это проведение исследований, мониторинга и обмена опытом в реализации различных миграционных политик, а также разработка учебных программ для адаптации мигрантов. При этом эти программы могут проводиться как в странах-реципиентах, то есть принимающих мигрантов, так и в странах-донорах, которые являются источником миграции в тех или иных региональных направлениях.

Еще раз повторю, что, с нашей точки зрения, качество профессионального образования является «сквозным» элементом и для

образования для всех, и для миграционной политики. Качество профессионального образования есть язык описания миграционных потоков, и оно же задает некоторые требования к базовому образованию для всех, которое лежит на предыдущем слое образовательной программы. Спасибо за внимание.

Ведущий: Спасибо. До того, как мы перейдем к следующим докладчикам, я хотел бы предоставить слово одному из наших гостей, старшему вице-президенту Всемирного Банка, господину Бугиньону. Мы просим его выступить по важной причине. Каждый раз, когда мы говорим о качестве высшего образования, возникает проблема востребованности. С этим связан вопрос о рынке труда и о том, как повысить эффективность выпускников и системы в целом. А это обычно относят к компетенции экономистов.

Бугиньон Ф.: Во-первых, я хотел бы поздравить российскую группу G8, с тем, что они выбрали образование в качестве главной темы этого года. Это своевременный выбор и очень важная тема. Я должен сказать, что мы в банке много лет избегали тем, связанных с третичным образованием, с высшим образованием, потому что, как ранее говорил Эрик Ханушек, прежде всего, надо заняться начальным и средним образованием. В стольких странах ощущается нехватка начального образования, и в этой области надо сделать так много, что мы не обращали достаточно внимания на высшее образование. Теперь мы постепенно возвращаемся к нему. Думаю, по нескольким причинам. Во-первых, во многих странах 100 процентов детей ходят в начальную школу, высокий процент – в среднюю, настало время обратить взор на высшую школу. Во-вторых, как уже было сказано, знания – очень важный компонент, фактор, объясняющий экономический рост в случае, когда в стране имеется достаточно людей, которые способны использовать знания, приспособлять знания к текущей ситуации в стране и, в некоторых случаях, создавать новые знания. Так что из всего этого ясно, что высшее образование важно для экономического роста и борьбы с бедностью в национальных масштабах в развивающихся странах.

Кстати, я хотел бы упомянуть, что наш следующий Доклад о Мировом Развтии за 2007 год будет о молодежи. В нем много места будет уделено вопросам среднего и высшего образования. Это значит, что у Всемирного Банка вновь появился интерес к такого рода вопросам.

Я бы хотел добавить пару замечаний к уже сказанному. Во-первых, очевидно, что во многих, почти во всех странах, очень велика выгода от высшего образования. Поэтому мы считаем, что более высокий уровень образования должен сильно стимулировать рост. И здесь очевидна связь этого с механизмом действия рынков труда. Почти для всех стран есть способ объяснить высокую отдачу на высшее образование не большей продуктивностью обладателей высшего образования, а иными причинами. И это объяснение – глобализация рынка труда. Если верно, что люди с высшим образованием могут устроиться на работу на Уолл-Стрит, во Всемирный Банк

или в лондонском Сити, то когда они решат остаться работать на родине, они будут рассчитывать на зарплату, которая, с учетом различия в покупательной способности, будет соответствовать тому, что они бы получали в других странах.

В некоторых случаях миграция может быть полезна, а в некоторых можно по-прежнему говорить об утечке мозгов. Она иногда дает отрицательные результаты, например, когда врачи уезжают из Ганы, или медсестры из Малави. Но порой говорят о притоке мозгов, в том смысле, что миграция происходит и тогда, когда люди возвращаются на родину, и этот человеческий капитал используется для развития страны. Мне кажется, что мы не вполне понимаем, что происходит с этой точки зрения, и следует задуматься о проблеме всемирного рынка труда и о способах, которыми мы можем определить, что связано с более высокой производительностью и воздействием на рост в развивающихся странах, а что объясняется эффектами миграции.

Ведущий: Спасибо. Теперь я приглашаю выступить господина Жагу, бывшего министра просвещения Словении. Его страна успешно провела существенные реформы в образовании и, в особенности, в высшем образовании. Так что очень интересно узнать об опыте практика, управлявшего процессом.

Жага П.: Уважаемые коллеги, подумав о том, о чем сегодня говорить, и какие измерения раскрыть, я решил сказать несколько слов о высшем образовании и о вызове, которые в наши дни представляет пригодность к трудоустройству. Это, возможно, один из самых острых вопросов, потому что, возможно, мы часто не различаем трудоустройство и пригодность к трудоустройству. Есть другое различие, хорошо известное, между академическими знаниями и полезными знаниями. Конечно же, экономика знания и общество знания требуют, прежде всего, именно полезных знаний, в том числе и от учебных заведений. Но высшие учебные заведения осознают, что они не смогут служить обществу, если не останется место и для так называемых теоретических знаний, для самоценных фундаментальных исследований: фундаментальные исследования служат почвой, на которой вырастают настоящие, полезные знания.

Выражение «пригодность к трудоустройству» остается несколько туманным в сегодняшних дискуссиях. Я ограничусь европейскими дискуссиями, так называемым Болонским процессом, где заметно, что это соотношение не вполне осознается.

Я хочу теперь задать такой вопрос: «А не пренебрегают ли понятием «пригодность к трудоустройству»? Большая часть дебатов последних двадцати лет построена на трех столпах: признание дипломов о высшем образовании, мобильность студентов и преподавателей, пригодность выпускников к трудоустройству. Но удивительно, насколько реже, чем другие два, употребляется последний термин. Вы можете сказать, что такая статистика не слишком корректна. Но я изучил статистику по политическим документам в рамках Болонского процесса. Давайте посмотрим на нее.

Если начать с Парижской декларации 1998 года, есть пять важных документов. Можно видеть, что в ходе Болонского процесса в Европе на признание дипломов обращают все больше внимания. На мобильность тоже, но все равно, вдвое меньше, чем на признание, в то время как в области пригодности к трудоустройству все сохраняют абсолютный консерватизм. Если это действительно так, мы должны обратить как можно большее внимание на три аспекта пригодности к трудоустройству выпускников вузов. Есть внутренние факторы, связанные, прежде всего, с проблемами в самих вузах, проблемы взаимоотношений с партнерами, и внешние проблемы, связанные с правительствами стран и, конечно, межправительственным взаимодействием.

Другая, ныне широко обсуждаемая, тема связана с гибкостью системам. Нужно подумать о консервативности существующих университетских систем, национальных систем, и создать, как трудно бы это ни было, системы более гибкие в отношении программ, качества и т.д.

Наконец, говоря о непрерывной учебе в системе высшего образования, когда многие страны реализуют болонскую идею о трех циклах, мы не должны забывать, что высшее образование состоит не только из вертикального академического продвижения, если так можно выразиться. Речь идет не только о степенях бакалавра, магистра и доктора, но в особенности о горизонтальном расширении навыков. Вот что может повысить пригодность к трудоустройству сегодня и завтра.

О партнерстве. Миссия университетов, конечно, заключается не только в преподавании и учебе. Конечно, эти задачи очень важны, но мы по-прежнему часто считаем, что партнерство состоит в передаче знаний от университетов в экономику. Хотя это очень важно, мы не должны забывать, что партнерство должно быть и между университетами, между вузами и другими исследовательскими организациями. Партнерство в широком смысле между университетами и экономикой пока что развито недостаточно, но недостаточно развито и партнерство между университетами.

Наконец, один из сложнейших дебатов о высшем образовании в рамках Болонского процесса касается востребованности новых степеней, например, степени бакалавра, присуждаемой после трех курсов. Такая степень необычна для многих европейских стран. Здесь необходимо подчеркнуть, что когда мы обсуждаем вопрос о стажировках, то сотрудничество, как между самими вузами, так и с профсоюзами, работодателями, даже студентами, может стать фактором, влияющим на успех Болонских реформ.

Теперь нам надо подумать о будущем. Движемся ли мы в сторону глобальных пространств знания? Я думаю, что ширится консенсус о том, что необходимо вырабатывать совместную политику планирования высшего образования. С одной стороны, это связано с разработкой национальных систем сертификатов об образовании. Когда удастся ее разработать, следующей задачей будет создание

общеевропейской системы, а затем, возможно, и всемирной. Здесь снова встает вопрос о роли правительств и межправительственных дебатов. В рамках Болонского процесса неоднократно подчеркивалось, что общественная ответственность за высшее образование включает ответственность за эффективную, качественную и прозрачную систему образования, и это должно происходить не только на национальном уровне, но и глобально. Как известно, в Бергене европейские министры утвердили общеевропейскую систему сертификатов. Но в то же время было очевидно, что некоторые вопросы, затронутые в дебатах, не относились к непосредственной компетенции министров. Некоторые вопросы находятся вне узкой сферы образования, они связаны с экономикой, миграцией, иммиграцией, внешними сношениями, и т.п. И я уверен, что как раз здесь есть настоящий простор для инициативы. Спасибо.

Ведущий: Павел, спасибо. Вы заранее учли и продумали возможность такой российской инициативы и, возможно, предложили еще больше обоснований для того, что эту инициативу следует развивать и продвигать.

Наш следующий докладчик – профессор Владимир Мау – ректор, а ректоры обычно очень консервативны. В этом отношении господин Мау очень необычный ректор, он был одним из главных стратегических политических и экономических консультантов при разработке реформ здесь, в России.

Мау В.: Прежде всего, мне хочется сделать некий общий вывод о том, что обсуждение проблем образования, – это очень важно для нас сегодня, – должно происходить и происходит не с точки зрения неких общих универсальных ценностей, коим образование должно быть, но в контексте вызовов эпохи. Каковы же те особенности нашего времени, на которые я хотел обратить внимание, выделить с точки зрения нашей деятельности, деятельности России в рамках председательствования в G8.

Я позволю себе несколько слов об особенностях времени, об этих вызовах и потом – об ответах, которые мы здесь можем искать, и которые мы сейчас продолжаем обсуждать.

Прежде всего, мы живем в мире, где происходит резкое снижение прогнозируемости и планируемости чего бы то ни было. Не только технологии, но и потребности меняются очень быстро. И в этом смысле любая попытка создать некую систему, ориентированную на план подготовки специалистов, бессмысленна. В крайнем варианте, потребности можно существенно менять раз в пять лет. А это период, когда происходит процесс высшего образования. В этом смысле, если человек поступает на первый курс, и мы имеем уже план его подготовки, мы точно знаем, что на выходе, если его готовить строго профессионально, он, скорее всего, уже получит не те квалификации, которые ему понадобятся.

И базовая проблема состоит в том, чтобы постоянно учить учиться. Речь идет о непрерывном образовании, понимаемым не только как потребность работника учиться, но и как способность работодателя

создавать условия для обучения, повышения квалификации своего работника.

Есть некая иллюзия, с которой мы часто сталкиваемся в последнее время, в том, что особенности рыночной экономики состоят в том, что государственный заказ на специалиста должен быть заменен заказом бизнеса. И начинается дискуссия о формировании какого-то совета из бизнес-сообщества, который сможет лучше, чем Госплан сказать, какие специалисты и в какой структуре будут нужны. Это иллюзия. Может быть, они скажут с меньшим числом ошибок, но этот перенос акцента от государственного заказчика на квазигосударственного или квазиобщественного абсолютно бессмысленен.

И я бы отказался от этой идеи о том, что сообщество работодателей скажет о том, кто ему будет нужен через 5-7 лет, Это бессмысленно и неэффективно. В этом смысле, повторяю, адаптивность становится гораздо важнее. Точно так же, как в экономике: на место концентрации ресурсов на приоритетных направлениях приходит адаптивная способность фирм, бизнеса приспособляться к постоянно меняющимся новым вызовам. Точно так же и в высшем образовании: адаптивность университетской системы гораздо важнее концентрации ресурсов, гораздо важнее формулирования и задания какого-либо заказа.

Что это значит с практической точки зрения? Прежде всего, мне представляется, что это введение двухуровневого образования, примерно так, как это формулирует болонский процесс, но с четким пониманием, что двухуровневое образование – это не разделение нынешнего высшего образования просто на две ступени, а два принципиально разных образования. Это широкое, так называемое, общее высшее образование и точно специализированное, под конкретный запрос, магистерское образование.

Существует также необходимость активизации международного обмена. Здесь есть и проблема сопоставимости оценок, кредитов и всего, что связано с болонским процессом. Но есть и проблема, которую мы неформально обсуждали и в рамках подготовки председательства в G8. Это снижение визовых барьеров хотя бы в рамках G8.

Еще один важный вопрос, который полностью ложится на тезисы о прозрачности образовательного процесса, – непрерывное образование. Это тема отдельного выступления. Мы в Академии народного хозяйства этим много занимаемся. Но здесь принципиальный вопрос – выработка системы стимулов и снятия ограничений, как для бизнеса, так и для источников соответствующих услуг.

В принципе с учетом демографического кризиса во всех развитых странах мира, включая Россию, собственно, основной центр образования будет во многом перемещаться, на мой взгляд, в послевузовское образование. И наверняка коммерческий элемент образования будет перемещаться туда. Здесь нужен набор финансовых стимулов, который мы обсуждаем. Применительно к России – это увеличение вычетов налогов физических лиц, направляемых на

образование, упрощение их администрирования. Это вопросы возможности вычетов налога на прибыль для предприятий, финансирующих образование. И принципиальный вопрос – введение в наше законодательство понятия *endowment*. Собственно, по-русски, по-моему, даже такого термина не существует. Вопрос о новых юридических формах принципиально важен, потому что в рамках бюджетных учреждений в российском классическом понимании образовательный процесс развиваться далее не может. Нам нужно иное понимание новых технологий в образовании. Когда мы обсуждаем новые технологии образования, под этим понимается обычно компьютеризация образования.

Ну, конечно, я не говорю о том, что компьютеры в школах не нужны, но это не то, по чему можно оценивать деятельность министерств или ведомств, связанных с образованием. Все-таки новые технологии в образовании – это, прежде всего, не техника, а процессы обучения. Это внедрение новых активных методов, над которыми продвинутые университеты сейчас активно работают, которые позволяют резко сжать образование во времени, давая навыки не за три месяца, а за одну-две недели.

Во-первых, это способ резко усилить практическую направленность в образовании и в этом смысле стимулировать развитие опять же *life-long learning*, то есть непрерывного образования, когда можно давать компетенции быстро и за рамками формального академического учебного процесса.

Ну, и последний вопрос. Нам, естественно, нужны серьезные изменения системы аккредитации, уход от чисто государственной аккредитации к аккредитации программ с участием предпринимательских структур, профессионального сообщества, что отчасти мы уже приняли в России. Мне кажется, что очень существенным моментом повышения эффективности нашего образования может быть введение в аккредитационные органы в России авторитетных международных профессионалов в той области, о которой идет речь.

Ведущий: Спасибо. Я хотел бы предоставить сейчас слово еще одному российскому ректору, также весьма необычному – Ярославу Ивановичу Кузьминову. И точно так же, как и Владимир Мау, это ректор, который открыт к инновациям, который думает шире интересов своего собственного вуза. Профессор Кузьминов активно участвовал и участвует в разработке и продвижении реформы системы образования в Российской Федерации.

Кузьминов Я.: Сегодня несколько коллег подчеркивало тот факт, что везде в мире растет разрыв в доходах между работниками со средним и высшим образованием. Это означает, что обеспечивающий карьеру минимальный уровень образования переместился на уровень высшего образования. Еще в середине 20-го века можно было возглавить государство, имея среднее образование. Сегодня это выглядит абсурдным и невозможным.

Соответственно, проблемы качества и доступности образования переместились в этот сектор, и мы с вами находимся на этапе,

когда университеты, – под словом «университеты» я имею в виду различные типы высшего образования, – являются неким уровнем, по которому другие сферы экономики, работодатели измеряют вклад образования и его качество.

В связи с этим в России существуют свои проблемы. В чем-то они совпадают с общемировыми тенденциями, а в чем-то – достаточно серьезно отличны. Это, в первую очередь, проблема повышенной ригидности, повышенной жесткости системы высшего образования, которая в Российской Федерации и в других, наверное, странах бывшего советского блока стала одной из интеллектуальных опор вновь организованной власти.

Если мы посмотрим на роль университетов в провинции, мы увидим, что их социальная общественная активность переместилась в формулирование целого ряда инициатив. Сложилась достаточно устойчивая связка – местная власть, региональная власть, группы интеллектуальной поддержки и группы интеллектуальной оппозиции этой власти, сидящей в местных университетах.

Именно этим можно объяснить, почему с такими трудами идет реформа образования. Вкратце о ней говорил мой коллега Владимир Александрович Мау. Я могу только полностью присоединиться к тем словам, которые он сказал относительно необходимости определенных реформ. Но мы же об этих реформах говорим практически уже 10 лет. Тем не менее, сдвигов, которые касались и меняли бы сложившиеся в образовании отношения собственности и контроля, практически нет. У нас сменилось уже четыре министра, каждый из которых заявлял, что он пришел как реформатор.

Каждый из них, приходя, как реформатор, в конечном счете, ограничивался очень незначительными изменениями на практике. Пожалуй, самым крупным изменением было введение и широкое распространение эксперимента по единому государственному экзамену во времена Филиппова. Ни более радикально настроенный Тихонов до него, ни более радикально настроенный Фурсенко после него, пока ничего не сделали. И это не проблема министерства, это проблема колоссального ресурса сопротивления академического сообщества в России, которое на сегодня обладает большим потенциалом сохранения социального воспроизводства и очень большими, превосходящими возможности реформаторов в исполнительной власти, средствами воздействия на исполнительную и законодательную власть. Это, на самом деле, достаточно уникальная ситуация, которая, наверное, в других странах не отмечается, и еще должна быть осмыслена.

Я хотел бы также обратить внимание на ряд моментов. Действительно, сегодня очень быстро меняются не только и не сколько технологии. Меняются потребности. И это обозначает проблему, которую я бы назвал проблемой оптимальной квалификации. Поскольку люди, приходящие в систему Post secondary education, сами принимают решение, здесь возникает чисто экономическая проблема поиска оптимальной квалификации, которая гарантирует максимизацию, скажем, их человеческого капитала.

Но эта максимизация имеет, в свою очередь, несколько отдельных сторон или несколько отдельных измерителей. Мы можем оптимизировать свою квалификацию для получения дохода (настолько, насколько мы видим связь между нашей квалификацией и доходом); мы можем искать оптимальную квалификацию для потребления, потому что складывающаяся в 21 веке экономика – все более и более экономика потребления, и, наконец, есть еще одно измерение, которое я бы назвал оптимальной квалификацией для социального статуса.

Сегодня высшее образование в крупных городах является необходимым элементом получения социального статуса, который позволяет просто социализироваться в рамках некоторых привычных условий. И инвестирование в себя, инвестирование несет связанные с этим прямые и косвенные издержки. И, по-моему, они в наибольшей степени сегодня определяются не расчетом дохода, который человек ожидает в будущем, а оценкой того минимального статуса для вхождения в сферу социального общения, где человек себя видит.

Отсюда вытекает то, что называется навесом высшего образования в России. Сегодня, по нашим опросам, 88 процентов российских семей заявляют, что они желают дать своим детям высшее образование. 67 процентов российских семей при этом заявляют, что они готовы пойти на очень серьезные материальные затраты для того, чтобы дать своим детям высшее образование. То есть мы видим, что фактор высшего образования, как элемента обязательной социализации, в огромной степени будет определять социальное движение, социальное поведение в следующем десятилетии.

Каким образом система образования должна к этому адаптироваться? На протяжении последних 10-15 даже лет она адаптировалась достаточно успешно. Прием в высшие учебные заведения вырос более чем в два раза при сокращении или стагнации приема в техникумы и в ПТУ. И до 40-50 процентов прироста при этом сформировано системой псевдообразования, системой, которая дает крайне облегченный набор навыков и компетенций и предоставляет человеку попросту диплом и ощущение того, что он действительно был в системе высшего образования и получил от этого некоторый социальный капитал и социальный ярлык.

Поэтому система высшего образования все-таки должна рассматриваться не только с точки зрения накопления компетенций, но и с точки зрения накопления социального капитала.

Ведущий: Спасибо, Ярослав Иванович. Наши последние выступающие снова представляют международное образовательное сообщество. Прежде всего, это профессор Малкольм МакФерсон. Он представляет американское Агентство по международному развитию (USAID) и имеет очень большой опыт работы в мире по поддержке образовательных систем.

МакФерсон М.: Еще в 1831 году Ральф Уолдо Эмерсон писал в своем дневнике, что изучаемое в школах и колледжах – это не

образование, а средства для его получения. Несомненно, высшее образование способствует экономическому росту или развитию. Я буду говорить о росте, потому что без него не может быть развития.

Но ключевой вклад образования, в особенности высшего образования, в экономический рост заключается не в уровне навыков, а в совмещении навыков. Маленький пример. В начале XX века в Соединенных Штатах среднее время обучения равнялось семи годам. Получившие третичное образование составляли в среднем около 5 процентов населения. К началу XXI века среднее время обучение возросло до 16 лет, а доля людей, получивших третичное образование, достигла 35 процентов. Однако темпы роста в эти два периода были одни и те же. Рост экономики никак не связан с уровнем квалификации. Эконометристы обнаружили некоторое влияние образования на экономический рост, изучая среднее время обучения. Но на экономический рост влияет не это, а совмещение навыков. Мы должны помнить об этом.

Я хотел бы обсудить влияние экономического роста на образование. Нужно начать с того, что между образованием и экономическим ростом существует взаимосвязь. Мы не можем их разделить. Приведу два примера. В Китае за последние 15 лет открылись 500 колледжей и университетов! Они увеличивали количество студентов на 30 миллионов в год. Доля населения, охваченного высшим образованием, поднялась с 4-5 процентов 15-20 лет назад до почти 15 процентов теперь. Это оказало огромное воздействие на экономический рост. Интересно, что уровень грамотности повысился существенно сильнее, чем уровень системы образования в целом.

Каково же воздействие экономического роста? Во-первых, заметим, что и отсутствие роста поучительно. Я рад, что в очередном докладе Всемирный Банк обратил внимание на молодежь. Подумайте, чему учится молодежь в условиях экономики, где не происходит никакого роста. Чему они учатся? Чему-то они, безусловно, учатся, и то, что они «выучивают», безусловно, контрпродуктивно. Так что отсутствие роста тоже поучительно.

Но и быстрый экономический рост может чему-то научить. И тут возникает вопрос: разве не могут те, кто завоевал награду своей работой, говорить об обучении в ходе самой работы? Учиться можно и торгуя, обмениваясь, терпя неудачи. Есть знаменитая цитата из Эдисона, о том, что когда он изобретал лампочку, он не был удачлив, а знал 5 000 неработающих идей. Высокий экономический рост вознаграждает также за дисциплину, за инициативу, за готовность к риску. В самом деле, при высоком экономическом росте можно рисковать, и даже если вы терпите неудачу, все остальное растет и как бы спасает вас. Вы не терпите в таком случае катастрофических убытков. Говорят, что в Соединенных Штатах не нанимают менеджера высокого звена, если у него не потерпели неудачу как минимум три или четыре компании. Если человек не терпел неудач и не склонен к риску, Кремниевая долина в нем не слишком заинтересована.

Это также демонстрирует выгоду от изучения быстрого экономического роста. Откуда берется эта динамика? Она происходит из аггломерации разных факторов. Есть перетекание знаний, внешнее воздействие и все такое.

Идея перетекания знаний состоит в том, что производительность растет, если ты более образован, а я работаю вместе с тобой, и наоборот. И это накапливается. Существует много обосновывающих это исследований.

Как все это связано с высшим образованием? Экономический рост, во-первых, повышает уровень доходов, на которые все могут рассчитывать. Он быстро создает спрос на квалификацию. Мы очень много обсуждали, что высшее образование может дать остальной экономике, но остальная экономика и требует как раз этого. Работодатели будут требовать различных навыков, и образовательная система может этим воспользоваться, если проявит достаточную гибкость.

Экономический рост приводит к институциональным инновациям, и я думаю, что мы должны серьезно подумать об этом. Самая быстрорастущую часть Гарварда (я работаю и на них) – именно та, что относится к непрерывному образованию. Почему? Из-за старения населения. И потому что в районе Бостона есть спрос на дополнительное образование. Гарвард, поверите или нет, приносит прибыль, и они отвечают на спрос. Так что непрерывное образование в Гарварде и, кстати, по всем Соединенным Штатам – самый быстро растущий сегмент.

Задам вам пару вопросов. Что общего было у Беджамина Франклина, Томаса Эдисона, Авраама Линкольна, Марка Твена, Томаса Джефферсона? У них не было формального образования. Авраам Линкольн в общей сложности учился год, это продолжалось в течение пяти или шести лет. Он говорил, что учился понемногу. Томас Джефферсон, один из величайших архитекторов 19 века, был самоучкой. И Бенджамин Франклин тоже. Томас Эдисон заявлял, что в школе его все равно ничему не учили. Вы знаете замечательную цитату из Марка Твена: «Школа – это хорошо, если она не вмешивается в ваше образование». Не забудьте, что и Билл Гейтс бросил Гарвард. Так что, на самом деле, высшее образование не так уж нужно. То, что нужно – это быстро растущая экономика, создающая возможности, предоставляющая возможности для выбора.

Так что фокусировка на высшем образовании, на вопросах качества и доступности, имеет место со стороны предложения. Но фокусировка на экономическом росте, в особенности на быстром экономическом росте, происходит со стороны спроса, и для развития системы нужно соединение этих двух подходов. Я думаю, что внимание Российской Федерации к качеству высшего и профессионального образования совершенно уместно, его нужно усиливать, но оно должно быть вписано в более широкий контекст.

Мы должны признать, что образование – это передача знаний, а передача знаний – это образование. Но есть много типов знаний: можно знать как, знать что, знать когда, знать где, знать кого, знать

с кем, и еще много чего знать. Большая часть того, что знаете вы или я, не изучено в рамках формального образования. И нам нужно понимать отношения между типами создаваемых нами знаний.

Я думаю, нам надо понять, что качество высшего образования напрямую связано с качеством экономического роста и наоборот. Экономический рост и высшее образование могут дополнить друг друга и усилить такие связи.

Ведущий: Спасибо за Ваши широкие и глубокомысленные и я даже сказал бы парадоксальные замечания. С одной стороны, Вы дали великолепный обзор образовательного сектора, ставшего сложной и развитой частью современной экономики, а другой – поставили под сомнение ценность формального образования. А сейчас я предоставляю слово последнему из объявленных докладчиков, сотруднику Европейского Фонда Образования Тимо Кууселе.

Куусела Т.: Я вам хочу коротко рассказать о национальных квалификационных структурах: что это такое, почему они являются значимыми и почему эта тема достаточно популярна и широко обсуждается в международном контексте.

Коротко расскажу о некоторых международных инициативах, которые касаются квалификации и квалификационных структур, и остановлюсь более подробно на двух проектах, с которыми мы работаем.

Есть много определений национальных квалификационных структур. Но речь всегда идет о структуре, которая последовательно объединяет существующую квалификацию различных уровней и типов на основе общей и согласованной системы дескрипторов и критериев.

Квалификационные структуры являются самыми различными во многих странах. Но сравнительный анализ их показывает, что есть три основных элемента, которые объединяют национальные квалификационные структуры в разных странах: это система описания типов знаний и умений в различных квалификациях, принципы и рекомендации по обеспечению качества, а также методы признания образования, полученного в рамках разных программ и форм обучения.

Каковы цели национальных квалификационных структур? Здесь можно выделить несколько целей. Первая – для того, чтобы установить общенациональные стандарты знаний, умений и общих компетенций. Вторая – совершенствовать качество образования и профессионального обучения. Третья – обеспечить систему взаимодействия сравнимости квалификаций путем их сопоставления между собой, и расширить, обеспечив внедрение механизмов доступа к обучению, переход на следующий уровень обучения и перенос его результатов.

Международная организация труда разработала пособие по формированию национальных квалификационных структур и систем. Это тоже совсем новая инициатива. Многие страны имеют национальные квалификационные структуры, а многие думают о том, что их необходимо было бы их разработать.

Несколько слов о Европейской квалификационной структуре. Процессы болонские, копенгагенские подтолкнули к необходимости разработки такой структуры в Европе. Тут много других причин, почему эта инициатива была важна и нужна. Прежде всего, это мобильность рабочей силы, перетекание рабочей силы из одной страны в другую внутри в Европы. Была создана рабочая группа, которая разработала предложения. Они сейчас обсуждаются.

Цель Европейской квалификационной структуры – создать инструмент перевода для сравнения квалификации. А, во-вторых, она – объективная исходная точка, которая означает, что уровни, которые описываются, основываются на результатах обучения.

Теперь несколько слов о нашем проекте, небольшом проекте Европейского фонда образования. Что мы делаем в разных странах? Мы знакомим государства с опытом стран, которые разрабатывают эти системы, и рассказываем о том, каким образом они могут повлиять на реформу системы образования в целом.

Мы не никому говорим, что вы должны это делать и, тем более, не указываем, что вы должны делать это каким-то определенным образом. Национальные квалификационные структуры – это политическая задача, которая требует привлечения большого количества ресурсов. И задача очень непростая.

Мы попытаемся это привязать к конкретным проблемам. В странах СНГ это может быть реформа классификатора, а в России речь может идти о вопросах децентрализации. Мы также информируем о возможных рисках, которые связаны с национальными квалификационными структурами.

И последнее. О связи этих структур с высшим образованием. Нам всем известно, что болонский процесс был процессом, который подтолкнул многие страны к разработке каких-то национальных структуры в связи с тем, что необходимо было внедрить новые уровни высшего образования и понимать, какова взаимосвязь этих уровней с другими уровнями образования. Европейская квалификационная структура покрывает все уровни образования. Восемь уровней. От начального до высшего.

Я думал, каким образом национальная квалификационная структура, если она будет создана в России, могла бы помочь в разрешении вопросов, связанных с вашей образовательной политикой. Если разработать такую структуру, привлекая все заинтересованные стороны, можно было бы понять, что в России необходимо делать: реформировать и реструктурировать существующую сеть учебных заведений, что с ними делать. То есть сначала надо решить, что необходимо для конкретного общества и конкретной страны, а потом посмотреть, кто может выдавать ту или иную квалификацию.

Ведущий: Спасибо. Вы видите, что здесь есть и концепция, и конкретный практический опыт осуществления такой работы. Уважаемые коллеги, наши итоговые заключения мы попросим сделать двух участников нашей дискуссии – Сергея Зуева и Джамила Салми. А сейчас я предоставляю слово господину Гурееву. Это еще один ректор и тоже ректор творческий, ориентированный на инновации.

Гуреев С.: Я бы хотел сконцентрироваться на повестке дня. Дело в том, что на вашем собрании кролиководов я представляю кроликов, и, как любому кролику в лаборатории, мне немножко страшно. Несмотря на то, что я полностью согласен со всеми теми словами, которые сегодня здесь прозвучали, мне страшно, что они все равно материализуются в еще большую бюрократизацию и регулирование нашего сектора, в котором, как правильно было отмечено, нарастает неопределенность, и чем дальше, тем более важна гибкость.

То, о чем говорил, например, Франсуа Бугиньон, приводит к тому, что глобализация действительно увеличивает отдачу на образование и, соответственно, в образование на рыночной основе можно привлечь достаточно большие деньги. Естественно, не со всем может справиться рынок, и как раз было бы интересно подумать над тем, что можно сделать, чтобы разрешить проблемы, возникающие там, где рыночные решения не приводят к общественному оптимуму.

Одна из них связана с неопределенностью и асимметрией информации, с которой сталкиваются потребители образовательных услуг, студенты и их родители. И тут как раз очень важно собирать данные, обрабатывать их, проводить исследования, мониторинг качества образования, достижений студентов тех или иных вузов и специальностей. И мне кажется, что чем больше будет исследований, чем больше будет информации для потребителя образовательных услуг, тем лучше будет функционировать этот рынок, тем легче будет туда привлечь деньги.

С другой стороны, безусловно, очень важно преодолеть и финансовые ограничения. И тут решение известно. Это студенческие займы, образовательные кредиты. Очевидно, что образовательные кредиты – очень хорошее решение, и хотелось бы его и субсидировать, в том числе, за государственный счет. Потому что многие риски, которые несут потребители образовательных услуг, связаны с проблемами, создаваемыми им собственно государством. Хорошо было бы решить этот вопрос за счет субсидирования образования, в том числе и за счет субсидирования процентной ставки по образовательным кредитам, что очень важно.

Если мы говорим о мобильности, в том числе, трансграничной мобильности, необходимо создать студенческие займы, которые можно было бы возить с собой из страны в страну, чтобы получать образование частично в одной стране, частично – в другой. То есть иметь студенческий заем, который можно было бы перевозить вместе с собой из университета в университет. И мне кажется, что здесь вмешательство G8 было бы крайне полезно.

Мое третье предложение связано с тем, что подавляющая часть образовательного сектора – это государственные предприятия, университеты, институты, колледжи. Они являются государственными либо на уровне субъекта Федерации, либо на национальном уровне. А мы знаем, что на государственных предприятиях всегда есть проблемы с управлением. Мне кажется, что хорошо было бы провести в жизнь инициативу прозрачности и подотчетности. И так же, как

компании, которые выходят на фондовый рынок, должны соответствовать определенным критериям, хорошо было бы иметь какой-то стандарт подотчетности и прозрачности руководства государственных университетов.

И помимо этих трех предложений, я хотел бы сказать о том, что, мне кажется, не все до конца осознают. Руководство университетов, поставщики образовательных услуг – это люди высочайшей квалификации. Вот мы говорим о том, что человеческий капитал приводит к экономическому росту, и что для новой экономики важны квалифицированные кадры. Так вот очень большая часть квалифицированных кадров сосредоточена именно в образовательном секторе. Эти люди могут сделать очень много, если для них создать соответствующие условия, если им дать возможность развернуть свою предпринимательскую деятельность, не обязательно коммерческую, существует и некоммерческое предпринимательство.

И мне кажется, что если создать такие стимулы, дерегулировать, не ограничивать их слишком сильно, многие из тех проблем, о которых мы сегодня говорили, могут быть решены. Спасибо.

Ведущий: Большое спасибо. На самом деле, последнее выступление, является стратегическим. И, может быть, оно вызвало желание кого-то высказаться? Пожалуйста, Исаак Давыдович Фрумин.

Фрумин И: Я хотел бы вернуться к сюжету о школьном образовании, на которое тратится много денег. Уже 20 лет в этом секторе работают международные сравнительные исследования качества. Ничего подобного по-прежнему нет в высшем образовании. И надо сказать, что эти исследования вовсе не породили никакой дополнительной бюрократизации. Скорее, напротив, они ослабили бюрократическое регулирование процесса, поскольку появились ясные ориентиры результатов.

В этом смысле появление объективных и внешних механизмов, по крайней мере, аналитических, оценки результатов профессионального образования на основе, прежде всего, полученных людьми компетенций, мне видится важнейшим инструментом дебюрократизации высшего образования.

В этой связи мне кажется важным то, о чем говорили Павел Жага и Тимо Куусела. И, видимо, как бы не сопротивлялись некоторые ректоры, это является очень важным вектором развития системы образования.

И последнее замечание. Реально такие системы возникают вне системы образования. Может быть, здесь нужна просто кооперация. Потому что квалификационные экзамены, например, на право вести врачебную практику или право вести адвокатскую практику и могли бы служить, и, наверное, реально служат в ряде стран инструментами оценки качества профессионального образования. Спасибо.

Ведущий: Спасибо. Я предоставляю слово для некоторых заключительных комментариев господину Зуеву от российской экспертной группы и затем господину Салми.

Зуев С.: Я очень рад, что мне удалось поучаствовать в таком обсуждении. В первую очередь, потому, что экспертная группа ищет, как говорят, критическую точку. То есть нащупывает то звено в цепи, которое является абсолютно критическим для всех других элементов образовательной системы. И в этом смысле состоявшееся обсуждение о том, в какую, образно говоря, точку надо бить для того, чтобы сделать шаг к развитию применительно и к национальным системам образования и к глобальному образованию, является принципиально важным.

Возможен ли системный эффект, если некоторые действия будут предприняты именно в этом поле по отношению к системе профессиональных квалификаций? Мне кажется, что многочисленные выступления, которые здесь прозвучали, в целом это подтверждают. Речь шла о таких взаимодействиях, как, например: профессиональная квалификация и современная или постиндустриальная экономика, профессиональная квалификация и рынки труда, профессиональная квалификация и возможности новой международной кооперации, профессиональная квалификация и образ жизни, который складывается на тех или иных территориях.

То есть, если представить себе простую схему, в центре которой стоят эти профессиональные квалификации и разные способы их достижения, а в виде лепестков – все эти контексты, то мы можем, наверное, сделать заключение о том, что о том, что эта тема может претендовать, возможно, наряду с другими, на эту самую критическую точку.

Что еще важно с точки зрения состоявшегося обсуждения? Это то, что было подчеркнуто рядом выступающих: квалификации и связанные с ними элементы образовательной системы есть, прежде всего, предмет политической и социальной коммуникации. То есть квалификация – это не то, что уже существует, а то, что выстраивается в ходе живой и содержательной коммуникации, которую ведут представители, с одной стороны, образовательной сферы, а с другой – целый ряд других субъектов, которые находятся и в политическом, и в административном, и в экономическом поле.

И правильная процедура этой коммуникации, правильное выстраивание этой коммуникации, возможно, является не менее важным потенциальным продуктом. Иначе говоря, в этом смысле инициатива заключается в том, чтобы сформировать такую коммуникативную среду, внутри которой возможна аналитика, исследования, возможна интенсивная коммуникация, в результате чего будут появляться конкретные образовательные продукты, которые будут ложиться на те или иные элементы образовательной системы. Я благодарю всех за обсуждение, и надеюсь, что оно продолжится.

Ведущий: Большое спасибо. Я предоставляю слово господину Салми для заключительных комментариев.

Салми Д.: И утром, и днем у нас была очень содержательная дискуссия. Я хочу сделать лишь два замечания. Сначала мы обсуждали образовательную инициативу, говорили о начальном и базовом

образовании. Затем несколько докладчиков упомянули о том, как важно качественное начальное и базовое образование, поскольку это определяет то, что будет происходить в высшем образовании. И они были правы. Но мы не должны забывать и об обратной связи. Для повышения качества начального и среднего образования нужны хорошие учителя, которых готовит высшее образование. Для того чтобы улучшить нижние уровни системы, нужно заниматься исследованиями в области педагогики и в других смежных областях. Нужно готовить хороших директоров школ, хороших администраторов. Нельзя забывать о такой связи.

Вторая тема, которую я хочу затронуть, это снова качество высшего образования. По традиции, в некоторых системах практикуется аккредитация или лицензирование, но в целом тенденция состоит в том, что сосредотачивается на начальном этапе. Перед тем, как новому институту разрешат начать деятельность, смотрят на его инфраструктуру, считают число преподавателей, количество ученых степеней и т.д. И, в отличие от начального и среднего образования, где имеет место оценка уровня знаний учащихся, другие более объективные методы измерения, в высшем образовании подобные системы отсутствуют. Поэтому инициатива, например, российского правительства в таком направлении весьма приветствуется. К таким же инициативам относятся деятельность и Европейского Фонда Образования, а также системы сертификатов об образовании, разрабатываемых в некоторых странах, например, Ирландии и Новой Зеландии. Все это будет иметь позитивный результат, разумеется, при условии, что они не станут еще одной бюрократической структурой, сковывающей, а не поддерживающей инновации.

Наконец, я хочу сказать следующее. Если бы образование было просто чтением, то школы уже давно были бы заменены библиотеками. Мы, педагоги, занимаемся формированием, а не наполнением умов. В сущности, в 15 веке Гутенберг своим изобретением книгопечатания лишил священников роли хранителей информации и знаний. Точно так же компьютеры и интернет дают доступ к информации все большему и большему числу людей, вытесняя тем самым из системы традиционных посредников – учителей и преподавателей. Для наших учеников не достаточно просто знать. Они должны знать, что надо знать и обладать воображением. Появление компьютеров заставляет нас задуматься, в чем наша задача. Мы должны ответить себе, что наша роль – это идеи, а не информация, образование, а не простое заполнение умов сведениями.

Ведущий: Дискуссия, очевидно, получилась очень содержательная. Выяснилось, что основные идеи, выработанные технической группой, вызвали массу комментариев. Комментарии в основном касались того, что необходимо сохранять гибкость, динамичность, способность институтов предоставлять и предлагать образование, если мы знаем, что это такое. Это один из важных выводов дискуссии. Я благодарю всех участников нашей конференции. Мы продолжим работу по проблемам образования в рамках подготовки инициативы G8.